

**Воспоминания о войне
прадеда Бубкина Миши -
Певного
Николая Иосифовича
(24.04.1922-31.01.2003г.р)**

Я появился на свет на Харьковщине, в селе Огульцы, в 1922 году там прошло и раннее детство. Проблемы и трудности жизни в те годы ни в коей мере не затмили самые сердечные и приятные воспоминания о родном селе, нашем дворе и доме. Здесь я совершил свои первые шаги в долгую жизнь, увидел голубое небо и окружающий мир, создал о нем первые наивные детские фантазии, которые сохранил в памяти до сих пор.

В годы Великой Отечественной войны значительная часть Огульцов была разорена и сожжена. Отступая на запад, немцы полностью сожгли восточную, центральную и западную части села.

В настоящее время село переместилось к железной и шоссейной магистралям Харьков – Люботин – Полтава - Киев.

Вскоре после войны я посетил Огульцы и был удивлен, каким образом сохранились наш дом, который мы продали уезжая из села, и старый дом дядьки Михайло.

Родился я весной 1922 года, когда молодая советская страна завершала гражданскую войну. На Украине царили голод и разруха.

Имя Николай получил от ближайшего православного праздника – летнего Николая. Точная запись о дате рождения осталась в огульчанской церкви, в которой меня окрестили. К поискам этой даты мы вернулись лишь когда мне пришло время получать паспорт. В июне 1938 года отец принес мне справку с Будянского поселкового совета, в которой было написано, что я родился 24 апреля 1922 года. К сожалению, в нашей бедной многодетной семье дни рождения были не в почете. О них просто никто не вспоминал.

В воскресенье 22 июня в Будах намечался большой спортивный праздник, должны были приехать сразу четыре команды общества "Авангард". По пути на стадион я зашел к товарищу Сергею Ивченко. И вдруг слышим по радио:

"Внимание! Внимание! Слушайте сообщение председателя Совнаркома товарища Молотова!"

И далее:

"Дорогие товарищи! Граждане Советского Союза!

Сегодня на рассвете в 4 часа 30 минут, вероломно нарушив заключенный пакт, фашистская авиация нанесла бомбовые удары по городам ... Вслед за этим гитлеровские войска перешли госграницу и вторглись на нашу территорию ..."

Мы опешили. Мне сразу стало ясно, что пришел конец моей праздной, свободной жизни, что теперь она будет связана с этой проклятой войной, что моя жизнь теперь зависит только от судьбы-удачи. Уйти от войны было невозможно – мне шел 20-й год. И я отлично понимал, что такое война, какие бедствия она несет.

На второй день войны поехал в Харьков – надо было уточнить обстановку в городе и техникуме. Было удивительно, как все вдруг изменилось. По всем железнодорожным магистралям беспрерывно шли

воинские эшелоны. Город утопал в агитационных листовках, транспарантах, обращениях и воззваниях. Их рупоров громкоговорителей раздавались марши и обращения к гражданам.

"Родина в опасности!"

"Все на фронт!" и т.д.

На площадях и скверах появились карты, на которых показывали линию фронта. Сообщалось об огромных потерях немецких войск. Здесь же в газете прочитал Заявление премьер-министра Великобритании Черчилля о готовности Англии оказать помощь Советскому Союзу. Думалось: "Как же мог Гитлер осмелиться напасть на Советский Союз!" Тогда еще не знали, какими силами располагала Германия, покорившая всю Европу.

После обращения Сталина к советскому народу от 3 июля стало понятно, что на фронте дела идут плохо, что над отечеством нависла реальная угроза – немецкие войска стремительно продвигались вглубь территории СССР. В середине июля пошел в поселковый совет к Кате Белинской, которая работала в военно-учетном столе и спросил, когда будет мне повестка на призыв в армию. Она ответила: "Куда ты торопишься! Жди! На фронте тяжелые бои, армия отступает." Возможно меня искали в Харькове, так как в последний год я жил в общежитии техникума.

Мои будянские товарищи-десятиклассники решили все вместе идти на фронт в составе формируемого комсомольского батальона. И никто из них не вернулся, все погибли в начале войны.

В середине июля мои товарищи, а среди них и лучший друг Николай Великород, получили повестки прибыть 20-го на призывной пункт в Мерёфу. Я решил проводить его до Мерёфы. Но на призывном пункте никто не спрашивал никаких повесток, всех подряд записывали и направляли на

медкомиссию. Я тоже включился в основной поток и вместе с Великородом явился на призывную комиссию. Николая здесь же зачисляли в команду новобранцев, которая немедленно должна убыть в какую-то формируемую часть. Мне же дают направление прибыть с вещами в харьковский военкомат. На мой вопрос, почему меня не направили вместе с товарищами, ответили, что у него всего 5-6 классов (а фактически 4 класса и 2 года ФЗО), а у тебя, мол, почти среднее образование.

Утром 27 июля на построении объявили, что все мы являемся курсантами вновь созданного 2-го ХТУ. Здесь же был представлен руководящий состав училища:

Начальник училища – подполковник Чугунков, бывший кавалерист, участник гражданской войны и боев в районе Бреста. Впоследствии, 1944 году в военных сводках он упоминался как генерал-майор танковых войск.

Заместитель по строевой части – полковник Ветров, из бывших офицеров старой русской армии.

Комиссар училища – полковой комиссар Гаврилов.

Командиры учебных батальонов – капитан Тепляков, подполковник Иванюк и майор Пащенко.

Моим непосредственным командиром оказался младший лейтенант Стриков, который лишь в начале года получил офицерское звание. Кадровую службу проходил в качестве механика-водителя танка Т-26 и как офицер был подготовлен слабо. Поэтому нередко обращался к курсантам за помощью при проведении занятий по огневой подготовке и вооружению.

Командир роты капитан Суязов – кадровый, хорошо подготовленный офицер, требовательный, курсанты его уважали.

Старшина роты и замкомандира взвода были кадровые старшина и старший сержант. Командиры отделений были назначены из курсантов.

Большинство курсантов моего взвода были харьковчане и где-то одна треть – из Сумской области. Первые дни пребывания в новой казарме были отмечены тем, что новобранцы забили все туалеты. Дело в том, что харч, который привезли с собой, начал портиться, и наш брат стал его втихаря выбрасывать в туалеты. Поэтому на очередном утреннем смотре пришлось всем объяснять как пользоваться туалетом и умывальником.

4-го октября дежурный по училищу сообщил в роту, что к курсанту Певному приехали родители. Командир роты отпустил на час, сказав, что они находятся на стрельбище.

Они приехали на подводе, лошадь дал сосед Матвиенко. Разговор наш был невеселый. Мать плакала при встрече и прощании, отец был болен и подавлен.. Я убеждал, что надо выжить, а для этого необходимо приспособливаться к новым условиям. Сейчас для них главное – это добыча пропитания, надо беречь корову. Родители благословили в путь и передали мешочек жареных семечек и четвертинку сала, которые здорово помогли затем во время тяжелейшего перехода.

С этого момента связь с родителями и семьей прервалась. Первое письмо от них получил лишь в начале 1943 года, находясь в госпитале.

Вечером курсантов навьючили учебными пособиями, боеприпасами (по два боекомплекта – 240 штук патронов), личные вещи. И в ночь на 5 октября по-ротно батальонными колоннами двинулись в путь.

Наш маршрут пролегал по улицам Свердлова, Карла Маркса, Сумской, Журавлевке и далее на Салтовский шлях. Было тяжело. Город был окутан туманом, и лишь силуэты

домов просматривались на фоне неба. На перекрестках торчали баррикады – сооружения из бетонных плит, камня и мешков с песком. Город безмолвствовал, и было впечатление, что он пуст, лишь изредка появлялись люди и военные патрули.

Харьков оставили на рассвете, и пошли деревни, полевые дороги. При прохождении через деревни командиры заставляли нас петь. Люди с тревогой и печалью встречали и провожали, плакали: "На кого же нас оставляете, сынки!" Было очень стыдно.

Шли форсированным маршем, привалы назначались на 20-40 минут через 1,5–2 часа хода. Сразу же обнаружилось потертости ног у курсантов – многие не привыкли к кирзовым сапогам.

Навстречу двигались войска. Воспрянули духом, когда мимо прошли 10 новых танков Т-34. По оврагам и рощам были видны скопления обозов и частей.

После двух суточных переходов был дан дневной отдых. Выдался погожий солнечный день, и удалось привести себя в порядок, отдохнуть. Но к вечеру погода испортилась, пошел дождь, поэтому вторую половину марша пришлось совершать в тяжелейших условиях. Было холодно, шел дождь со снегом, под ногами слякоть. Одежда намокла, длинная шинель обвисла и касалась земли. Трехлинейка (154см) постоянно ударялась о задники сапог! На третьем и особенно четвертом переходе появилось много отстающих: у некоторых ноги оказались стертые до крови, больные, не выдержавшие тягот перехода и просто симулянты.

9 октября где-то в 8–9 часов вечера рота, а точнее ее меньшая половина, прибыла на станцию Валуйки. Все считали, что наконец-то добрались, и ждали что здесь накормят. И вдруг объявляют, что погрузка будет на разъезде Насоново, который находится в 12км, и что

необходимо продолжить переход! Двигаться надо было прямо по шпалам.

Офицеры и курсанты сникли, усталость удвоилась. Силы покидали людей, приходилось уже не приказывать, а просить идти. Наконец, все поднялись и скопом побрели по путям.

Через 5–6 км дошли до железнодорожного моста через реку и сели на рельсы отдохнуть. Вдруг раздался свисток паровоза, который приближался к мосту с другой стороны. Последовала команда "Встать! Освободить полотно!" Но все продолжали сидеть, и товарняк остановился. Офицеры и сержанты-старослужащие начали сталкивать курсантов с рельсов. После очистки полотна поезд на малом ходу проследовал мимо. Мы же, еле держась на ногах, побрели дальше.

Где-то во второй половине ночи добрались до станции, где нас уже дожидалось начальство. Взвод направили обогреться и отдохнуть в какую-то избу. Оказалось, что людей там – как сельдей в бочке. Курсанты располагались полусидя, полулежа прямо на полу. Я с большим трудом забрался в угол около печки и мгновенно свалился на колени. Утром обнаружил, что спал полустоя в обнимку с кочережками.

За всю войну у меня больше никогда не было такой усталости и такого низкого морально-психологического состояния. Хотелось все забыть и просто умереть, чтобы не мучиться.

И все же мне удалось успешно справиться с переходом, в отличие от интеллигентов-харьковчан. Нигде не отставал, шел с двойной нагрузкой (два боекомплекта, большой вещмешок с книгами и личными вещами, винтовка, противогаз, фляжка, котелок). Из всего взвода прошли самостоятельно без остановок и последствий лишь 10

человек, среди которых было четверо кадровых военнослужащих и 6 курсантов из сельской местности. Остальные 19 человек добрались попутным транспортом, на подводах либо пешим порядком. Для сбора отстающих были даже выделены специальные команды.

Отчасти нам повезло – нас не бомбила авиация противника. Вероятно, основные силы фашистской авиации были переброшены на Московское направление, где немцы возобновили наступление.

Удаляясь от Харькова по ночам на горизонте мы видели зарево. Однако боев в самом городе фактически не было – наши войска оставили его без боя, а немцы вошли в город лишь через несколько дней. Важные объекты (вокзал, железнодорожные мосты, Дом офицеров, корпуса многих заводов т.д.) были взорваны, и несколько суток было безвластие, повальные грабежи магазинов, складов, общежитий. После разграбления мародеры сжигали магазины, так были уничтожены новый и старый универмаги, новый и старый пассаж и другие ценные объекты.

К весне 1943 года стратегическое положение Советской Армии изменилось в лучшую сторону, однако нарастала серьезная опасность в центре на Московском направлении. Поэтому ВГК приступило к усилению танковыми соединениями Юго-Западного, Центрального и Брянского фронтов. В их тылу создавались мощные резервы (Степной фронт – 3 танковые армии, большинство танковых и механизированных корпусов).

С этим, вероятно, и была связана последовавшая вскоре команда на передислокацию нашей 232-й резервной танковой бригады, которая должна была по железной дороге перегруппироваться в Тульские танковые лагеря. Сборы и переброска были завершены в течение недели, и

бригада прибыла на железнодорожную станцию разъезда Хомутово, что в 20 км от Тулы в сторону Москвы.

Весна была в разгаре – вышли из берегов реки и озера, снег сохранялся лишь в лесах и ложбинах. Шло пробуждение природы. Настроение солдат, сержантов и офицеров было отличное.

Бригада расположилась в пионерских лагерях Тульского патронного завода. Легкие летние дощатые корпуса были без отопления, пришлось устанавливать самодельные буржуйки для обогрева. Спали на кроватях без матрасов, поэтому в дело пошли доски, фанера и т.д.

По прибытии командование бригады провело занятия с офицерами по вопросам боевой готовности. Отрабатывались различные варианты на случай прорыва немецких танков на Московском направлении. Затем регулярно занятия проводились лишь по политической подготовке. Больше работали в парке. Солдат и сержантов часто посылали в наряд на кухню и в караул.

Погода улучшалась с каждым днем. В лагере становилось все уютнее. Рядом станция, через которую непрерывно шли поезда. В тупике часто отстаивались санитарные поезда, ожидая раненых с фронта.

Офицеры роты жили отдельно от механиков-водителей, имели много свободного времени, поэтому иногда ухитрялись ездить даже в Тулу. Я тоже дважды побывал там, впервые после Горького ходил в кино. Несколько раз ходили глушить рыбу на речку и в ближайшие деревни. 1 Мая был проведен митинг, в столовой выдали по 100 граммов спирта и накормили хорошим обедом, вечером показали кинофильм. Короче говоря, командование нам собой не надоедало. Чувствовалось, что мы для них временные люди.

В середине мая в бригаду прибыли экипажи из фронтовых соединений. Забрали наши танки и часть механиков-водителей. Мой Страхов уехал с новым командиром и больше я его не встречал.

Я, как и большинство офицеров, оказался не у дел. На следующий день вызывают меня в штаб и вручают документы для убытия в Горький для получения новых танков. Меня назначают старшим группы из еще трех офицеров и нескольких механиков-водителей.

Мне очень не везло. Ехать в Горький я не возражал, но быть старшим, а особенно в дороге, было очень беспокойно и ответственно. Попробуй удержать офицеров и солдат при себе! Надо постоянно быть в напряжении.

На второй день утром приехали в Москву. Это было мое первое посещение столицы. В Москве было тихо и спокойно, во всем чувствовалась строгость и системность, порядок. По улицам девушки-солдатки уводили в укрытия аэростаты заграждений. Однако расхаживать по городу не пришлось, потому что мне удалось взять билеты на первый поезд, идущий на Горький.

В Горький прибыли 27 мая 1943г. Это был мой второй приезд сюда. В этот раз пришлось ехать в Кремль, где располагался штаб 1-й учебной бригады. В нее входили два учебных полка, которые готовили младших специалистов (водители, наводчики орудий танков), и запасные танковые полки, которые располагались вблизи танковых заводов и занимались формированием и отправкой на фронт маршевых рот. Офицеры в запасные полки обычно прибывали из училищ, госпиталей и резервов. Так все, прибывшие вместе со мной, были подготовленными специалистами, то нас направили в Соцгородок в тот же 1-й ЗТП.

К моему удивлению с того времени в полку произошли серьезные изменения в лучшую сторону. Нас по-прежнему разместили в 27-й школе. Солдаты и офицеры располагались в разных помещениях. В офицерских помещениях были железные койки с полными комплектами спальных принадлежностей, т.е. все как положено в воинской казарме. Питание тоже стало более качественным.

Заводы работали на полную мощность. Эшелоны с танками, артиллерией, боеприпасами и автомобилями отходили от погрузочных эстакад друг за другом каждый день. Город же жил мирной жизнью. Меня удивило, что все пустыри, скверики, палисадники жители использовали под огороды, особенно под картофель.

И вдруг спокойный вечер и многообещающий день превратились в трагические ночь и следующий день. Не успели мы уснуть, как раздался рев сирен, оповещающих о воздушной тревоге. Вскоре послышался гул немецких самолетов и первые мощные взрывы бомб. Осветительные бомбы озарили город, завод и дома, казалось, что немецкие летчики смотрят прямо на нас. Немецкие лазутчики запустили несколько сигнальных ракет с территории завода. После первых взрывов бомб возникли мощные пожары на территории автозавода. Подлет немецких стервятников осуществляли вдоль русла реки Ока, потом делали разворот над Окским мостом на 180°, спускали бомбы с крючков и они точно попадали в корпуса завода. Удивительно, что ни одна бомба не упала на огромные жилые дома (6-этажный дом Бусыгина). Чувствовалось, что фрицы очень тщательно подготовились. Удар был неожиданным.

По тревоге мы выскочили во двор школы, Команд никаких не было, поэтому каждый самостоятельно искал себе укрытие.

Бомбежка продолжалась больше 2-х часов. Вражеские самолеты следовали эшелон за эшелон. Местность вокруг

завода была все время освещена. Наши прожектора безуспешно шарили по небу. Грохотали зенитки, но сбитых самолетов мы не видели.

Смешно, конечно, но мне досталась солидная шишка на бедре. Эти две неприятности вызвали в душе какое-то недоброе предчувствие.

Наш эшелон тронулся в путь в ночь на 29 августа. В ночь на 30 августа прибыли на станцию Ровеньки. Передовая находилась совсем близко - были слышны артиллерийские выстрелы, вдали было видно зарево. Как только эшелон остановился у выгрузочной площадки, из темноты вынырнула группа военных и устремилась к вагонам. Вызвали командира роты и офицеров. Проинформировали нас, что мы прибыли на станцию назначения Ровеньки и поступили в распоряжение 2-го механизированного корпуса генерала Свиридова, что танки необходимо немедленно разгрузить с платформ и убыть со станции. Чувствовалась фронтовая напряженность.

Экипажи начали убирать крепежный материал и заводить машины. Я метался по платформам, торопил экипажи взвода. Тем более, что у меня во взводе стояли на платформе еще два танка без экипажей. После выгрузки их должны были везти офицеры.

Неожиданно раздался залп зенитных орудий мощный взрыв авиабомбы совсем рядом с эшелонном. Взрывной волной меня сбросило с платформы. Попытался встать на ноги, но левая нога не подчинялась. Показалось, что стопы нет и упираюсь в землю голенью! Подбежал мой водитель сержант Тихомиров, помог встать на правую ногу и потащил меня к танку. Потом подбежал командир роты с каким-то офицером из корпуса, который сказал, что меня надо отправить в полевой госпиталь, расположенный в 1-1,5 км от станции. С ноги стащили сапог, бинтами и портянками перевязали голеностопный сустав, который сильно распух.

Затем посадили на танк и Тихомиров с грохотом помчался по бульжной улице.

Госпиталь размещался на окраине Ровеньков в здании школы. Во дворе на соломе лежало много раненых, ожидавших помощи. Тихомиров собрал все мои вещи в вещмешок, передал мне и помог присоединиться к другим раненым. Мне было обидно за себя, за столь печальный и неудачный выезд на фронт. Однако боль быстро нарастала, я никак не мог найти удобного положения.

Утром появились две медички и стали отбирать раненых на обработку. Увидав меня, офицер-медичка сказала: "Держись лейтенант, все будет нормально!" Сделали в руку противостолбнячную прививку, и санитары потащили меня на носилках в баню, а точнее в мойку. Там две бабки сняли тряпки и бинты с ноги и стали обрабатывать ее теплой водой. Но тут кто-то закричал: "Принесли завтрак!" и санитарки ушли куда-то, оставив нас в бане. Мне стало легче, и я задремал, лежа на полке. Вдруг слышу голос санитарки: "Ой-ой, у него кровь тече! Требы скорее несть его в операционную!"

Операционная находилась в просторном классе, где стояли в два ряда штук 10 столов. Страшно было смотреть как одновременно на 5 столах орудовали хирурги. На одном из столов обрабатывали обгоревшего танкиста. На втором - отпиливали раздробленную кость на ноге. на остальных столах творилось тоже что-то подобное.

Меня довольно быстро обработали. Хирург констатировал "травматический ушиб с переломом костей голеностопного сустава". Наложили мощный лангет и обработали небольшие царапины на голени и колене. Основной удар пришелся по каблуку и заднику левого сапога. Если бы не добротный сапог, то я наверняка лишился бы пятки, а то и всей стопы. Неизвестно, чем меня ударило: осколком бомбы,

либо каким-либо другим осколком. Ведь на станционных путях чего только не было.

После операционной санитары доставили меня в офицерскую палату. Спасибо госпитальным работникам, которые таскали на носилках не только меня, но и мои личные вещи и снаряжение! Сохранился даже трофейный кинжал, который я приобрел в Суровикино.

4 сентября услышал по радио, что в числе других населенных пунктов наши войска освободили Мерифу и Буды. С этого момента больше всего думалось о родных и близких, волновал вопрос: "Что с ними? Живы или нет? Сохранился ли наш дом?" Я поклялся сам себе, что независимо от того, куда меня завезут, после госпиталя первым делом заеду в Буды.

После операционной чувствовал себя очень плохо, не знал, куда положить левую ногу. Стоило опустить ее ниже головы, то терял сознание. К тому же вместе с противостолбнячным уколом в левую руку занесли инфекцию, поднялась температура.

Я находился в полевом армейском госпитале, где практически оказывали только первую помощь и сортировали раненых.

5 мая с подходом 70-й армии генерал-полковника Попова соединения и части корпуса были отведены в район Бютцова, Гюстрова. При остановке колонны полка осмелевшая немецкая девушка подошла ко мне и спросила: "Гер офицер, дер криг ист цу енде?" Я ответил: "Енде, енде".

С утра 6 мая мы начали оборудовать лагерь в лесу по всем правилам. Тыловики привезли доски, и мы стали строить дощатые домики для личного состава и офицеров. Моя батарея оказалась на правом фланге полка рядом с полковым знаменем.

Все артиллерийские части корпуса расположились единым лагерем в лесу в 2-3 км от города Бютцов. На правом фланге располагался 375-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк САУ-100, далее 1496-й самоходно-артиллерийский полк САУ-76, потом пошли зенитно-артиллерийский полк, минометный полк, легкий артиллерийский полк и реактивный дивизион.

По прибытии в лагерь штабы начали оформлять наградной материал на личный состав. Генерал Панфилов приказал весь наградной материал представить ему на подпись к утру 7 мая и предупредил командиров частей, что кто не представит, то будет своей совестью отвечать перед подчиненными.

На меня оформили наградной на орден Красного Знамени. Но вернувшийся в полк командир полка, который временно исполнял обязанности командира 1496-го самоходно-артиллерийского полка, отказался подписывать:

– Для Певного много будет. Может быть и нам не дадут (имея в виду себя). Перепечатать на орден Отечественной Войны 1-й степени.

Утром 7 мая весь наградной материал ушел, кроме того, который подлежал переоформлению, в том числе и на меня. В тот же день пришла телеграмма о том, что подписание акта капитуляции и празднование Победы назначается на 8 мая.

8 мая состоялся торжественный обед всего личного состава полка. Под деревьями были оборудованы столы и скамейки. Перед обедом были вручены награды. Все мои подчиненные получили награды, кроме меня и моего заместителя по техчасти В.И.Синкилева. Было очень обидно.

Так и пропала моя награда. Несколько раз направляли материал командиру корпуса, но он отказался подписывать. Тогда решил протолкнуть материал по линии артиллерии, минуя командира. Наградной материал достиг штаба

фронта, но там кто-то наложил резолюцию: "Почему нет подписи генерала Панфилова?" С этой резолюцией наградной лист находится в архиве и по сей день. Скромность не позволила мне обратиться в соответствующие инстанции, а вскоре полк был выведен из состава корпуса.

Еще одну награду – польский орден Грюнвальда III степени мне должен был вручить премьер-министр Миколайчик 9 мая 1946 года. Но в это время я находился в Будах, проводил там свой первый послевоенный отпуск.

Конечно, обидно за потерянные награды. Но что поделаешь, такова судьба. Не всем должна сопутствовать удача.

Торжественный обед начался в 14 часов. Выкатили несколько дубовых бочек с трофейным коньяком. Сначала были тосты, потом пошел шум, крик, гвалт. Когда я после второй рюмки отправился под тент самоходки, где стояла раскладушка, то услышал крик командира полка подполковника Енина: "Смирно! Прекратить безобразия!" Вечером началась сплошная канонада. Стреляли все кому не лень из всех видов стрелкового оружия, а наши соседи-зенитчики палили в небо из зенитных пушек и пулеметов. У меня болела голова, но я все слышал. Это было мое первое знакомство со спиртным.

Итак, с войной было покончено. Начались раздумья: что делать дальше, куда направлять свои стопы.

На этом воспоминания о войне заканчиваются...Далее после войны мой прадед закончил военную академию и стал военным.

3 сентября 1949 года он вступил в брак с моей прабабушкой Клавдией, продолжал служить отечеству.

Закончил службу в 1976 году в звании полковника.

Жизнь прожили вместе, родили двух замечательных сыновей. Звали их Сергей и Александр (мой дедушка).

Проживали всю жизнь в г. Бобруйске Республика Беларусь.

Прадедуська Николай увлекался рисованием: даже сдавал свои картины в галерею.

У нас дома и дома у моей бабушки Нади и дедушки Саши до сих пор висят его замечательные работы.

Каждый год моя мама Ирина приезжала в гости в Белоруссию к своим бабушке и дедушке.

Они всегда были ей рады, бабушка очень хорошо готовила, а мама даже иногда помогала дедушке рисовать картины.

Мой прадед был очень добрый, замечательный и отзывчивый человек.

Ушел из жизни 31.01.2003 года

29.04.2020г.

Правнук Бубкин Михаил

